

в качестве серьезного, образованного человека, находящегося в курсе событий международной политической жизни.³⁴ Затем, надо полагать, Радищев был осведомлен о русской периодике, так как, принимаясь за работу, он уверенно пишет: «Мы тем охотнее приемлем на себя перевод оной <т. е. статьи, — М. А.), что, по всем обстоятельствам, думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов»,³⁵ а прекращает работу над переводом, после того как выяснилось, что статья уже напечатана в «С-Петербургских ведомостях».

Это обстоятельство, во-первых, лишний раз подтверждает, что Радищев хорошо знал периодические издания, выходившие в России, следил за тем, что там печаталось. Во-вторых, словами «ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов» Радищев сам свидетельствует, что он делал свой перевод для какого-то периодического издания, и притом, очевидно, для выходившего в России: если бы он намеревался напечатать статью в лейпцигских журналах, то, вероятно, и переводил бы тогда ее на немецкий язык. А из этого вытекает, что у Радищева уже в лейпцигские годы имеются связи с русской периодикой, что первая его литературная работа была рассчитана на широкий круг читателей и только непредвиденная случайность помешала ей увидеть свет. Наконец, подтверждается и необоснованность легенды о незнании Радищевым русского языка.³⁶

У нас нет сведений о том, имелись ли в Лейпциге русские журналы, но зато известно, что в числе книг, которые находились у студентов, были

³⁴ См. два письма-характеристики Белосельским Радищева: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 120, 1771 г., л. 123 — 123 об.; ЦГАДА, ф. 249, 1771 г., д. 6465, л. 527; см. также: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 115, 1770 г., л. 2—3, письмо Белосельского Панину от 1/12 июня 1770 года. «... Что касается учения их, то Бокум доволен ими, так же как это есть и мнение всех профессоров, что через полтора года первые семь смогут с пользой вернуться на Родину. А именно — Радищев, который самый образованной, Янов, Челищев, кн. Трубецкой, Кутузов, Рубановский и Насакин».

³⁵ А. Н. Радищев. Желания греков, к Европе христианской, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 225.

³⁶ В некоторых работах встречается утверждение: Радищев в Лейпциге «позабыл русский язык» и по возвращении в Петербург ему даже пришлось брать уроки русского языка у А. В. Храповицкого. Подобного рода высказывания базируются, во-первых, на ошибочном мнении, что после того как Радищев и другие русские студенты приехали в Россию, «начальство» на их примере увидело, «как легко было на чужбине забыть родной язык» (ср.: В. Як у ш к и н. Учебные годы А. Н. Радищева. (Отрывок из его биографии), в кн.: Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженько, М., 1902), стр. 202. Учитель русского языка Сергей Подобедов, действительно, был отправлен в Лейпциг, но не после приезда Радищева (декабрь 1771 года), а в июле 1771 года, и, следовательно, приезд студентов никак не мог повлиять на решение начальства послать в Лейпциг учителя русского языка. Кроме того, сторонники этого ошибочного взгляда основываются на неправильном толковании показания Радищева Шишковскому в Петропавловской крепости. Из слов Радищева, что он имел «малое знание в российском письме» и для «приобретения достаточных в оном сведений» много читал церковных книг, некоторые авторы делают вывод, будто он плохо говорил по-русски. Между тем очевидно, что в показании речь шла не о языке, а о «письме», т. е. о слоге, да и не о русском, но о «российском», под которым писатель понимал церковно-славянский стиль.